

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Подмосковная осень свела наугад
В затемненности комнат знакомых
Всех, узнавших, что каждый - кругом виноват,
Что утрата - расплата за промах...

В. Алейников

Леонид Губанов... Ленечка... - так ласково называли его в кругу московской богемы 60-х. Поэт трагической судьбы, не подчинившийся удушливому времени, он был лидером неофициального объединения творческой молодежи начала 60-х СМОГ, что расшифровывалось как "Самое молодое общество гениев", или "Смелость, Мысль, Образ, Глубина".

При жизни поэта на родине, в журнале "Юность", было опубликовано лишь двенадцать строк из написанной им в пятнадцать лет легендарной поэмы "Полина", что вызвало в официальной прессе скандал. Затем - "поднадзорное" существование, неприкаянная жизнь, психиатрические больницы, работа пожарным, грузчиком, сторожем... В 1983 году, 8 сентября, - внезапная, напророченная им самим смерть в возрасте 37 лет...

Лишь в 1994 году вышла первая книга его стихов "Ангел в снегу", составленная Игорем Дудинским.

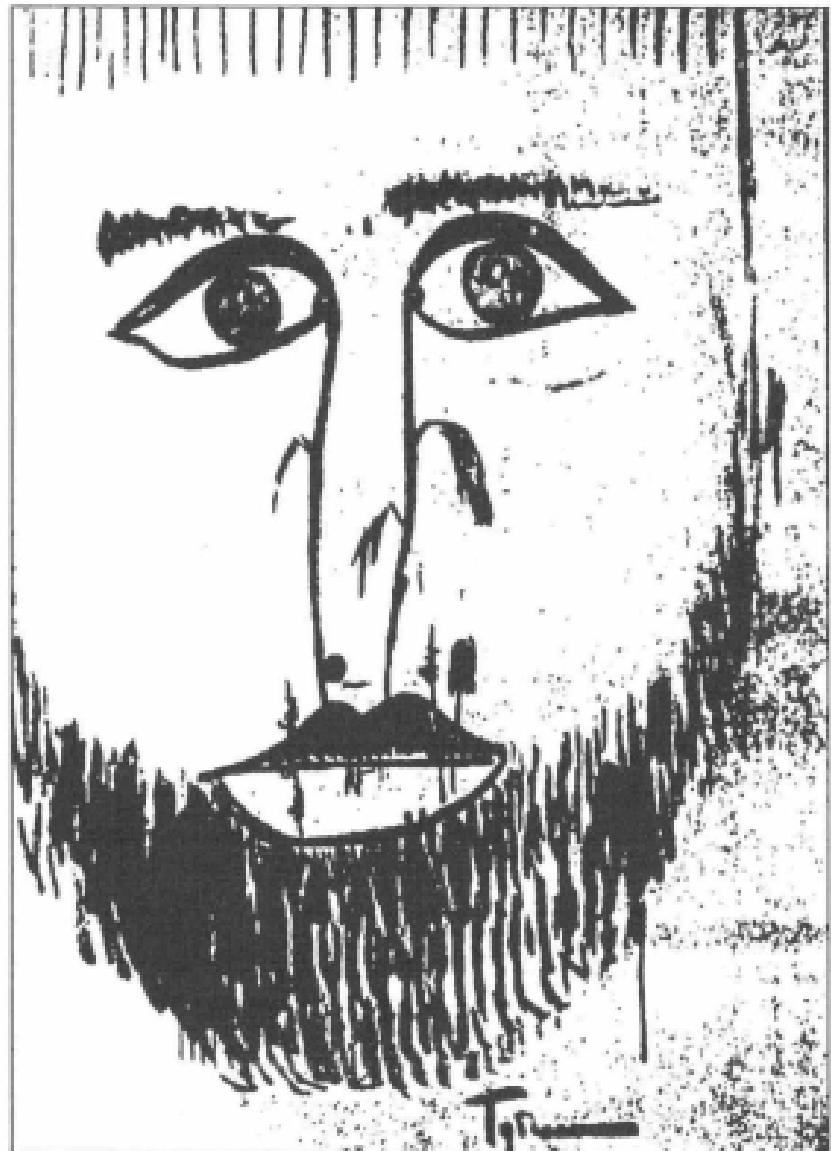
***

Будучи знакома с Губановым почти десять лет, я виделась с ним редко. Общались мы с ним в основном по телефону. Внеся меня в список поклонниц его таланта и считая "благодарной слушательницей", он часто звонил мне поздно вечером, а то и ночью, и подолгу читал свои стихи. Так что заметки мои, быть может, добавят несколько штрихов к портрету поэта, о котором уже много написано.

***

Москва 75-го... В коммунальной квартире художника Сергея Бордачева на Малой Мещанской – скопище народу. Дым коромыслом. Непрерывно хлопает входная дверь. Надрывается телефон. Звонкий лай собаки заглушает возбужденные голоса собравшихся...

Не известного мне поэта все просят почитать свои стихи. Он выходит на середину комнаты. Невысокий, коренастый, но ладно скроенный, в стареньком свитере. Лицо бледное, скуластое. Высокий лоб прикрывает мальчишеская челка. Глаза серые, сияют...

Автопортрет. Рисунок Л. Губанова. 1970-е гг. Из архива Г. Евтушенко.

Я. Я. Я.
Я ли? Я ли? Я ли?
Яр. Яр. Яр.
Ябед. Ябед. Ябед.

- протяжно зазвучал высокий голос.

Ю. Ю. Ю.
Ю ли? Ю ли? Ю ли?
Юн. Юн. Юн.
Пули. Пули. Пули...

- не читал, а шаманил он.

Ни с кем не сравнимая манера чтения, пронзительность интонации завораживали.

- Кто это?! - спросила я шепотом знакомого художника.

- Да это же Губанов! - услышала в ответ.

***

В отличие от многих других поэтов Губанову совершенно не свойственно было отрицать знаменитых предшественников. Этого ущербного способа самоутверждения Леня был начисто лишен. Как всякий мастер, он верил в себя как поэта, знал, что пишет для вечности, предугадывал свою посмертную славу:

...Я только знаю, поздно, рано ли
Познав другую благодать,
Я буду бронзовый и мраморный
Под тихим солнышком стоять.
Другое знамя будет виться,
Другие люди говорить,
И поумневшая столица
Мои пророчества хвалить.

Он восхищался поэзией Есенина, Цветаевой, Пастернака, Лермонтова и особенно - Пушкина. С ним, как сам рассказывал, не расставался никогда. Однажды мне довелось в его исполнении услышать несколько пуш-

кинских стихотворений. Неожиданно это было! Ведь, как многим казалось, на людях Леня читал только свои стихи. Одно время в его комнате висел замечательный портрет Пушкина. Автора не помню. Помню только, что манера исполнения походила на Анатолия Зверева. Внизу картины бросалась в глаза размашистая надпись: "Гениальному Губанову". Потом портрет куда-то исчез...

***

Леня в совершенстве владел искусством импровизации. Тому, кто знал его, невозможно было представить, чтобы он томился над какой-либо строкой, рифмой. Стихи вырывались из него потоком. Как-то забрел он со своим другом в мою коммуналку на Кировской. Говорили о разном, спорили, стреляли из духового пистолета. Леня послал приятеля за пивом. Тот ушел и долго не возвращался. Устав от ожидания и раздраженно отбросив пистолет в сторону, Леня на клочке бумаги вмиг написал:

(Тайное)

Пока по Кировской ты шлялся,
Пока в такси ты ковылял,
Ждал пистолет тебя ужасный,
Ах, если б деньги он стрелял!

Некоторые поклонники губановской поэзии все-таки считали, что у него много поспешного, проходного, что как поэт он до конца не реализовался. Никаких советов и замечаний Леня не принимал. Он и сам знал, что хорошо сделано, а что нет. Помню, позвонил он мне поздно вечером, сказал, что хочет прочесть что-то новое. Читал, почти не прерываясь, около часа. Я услышала цикл блестяще отработанных стихотворений. А когда выразила восторг, он спокойно сказал: "Я и сам знаю, что это удачно". И добавил: "Над

стихами, конечно, надо работать, как учил этому Пастернак”.

***

Страдал ли Губанов от того, что не печатался при жизни? Некоторые считали, что да, страдал, и даже комплексовал по этому поводу. Быть может. Не знаю. Знаю только, что внешне он был выше этого. Он никогда не шел на компромиссы, никуда не “проталкивал” свои стихи, никого не просил их публиковать. Помню, когда близкая его знакомая К. С. решила обратиться за поддержкой к А. Вознесенскому, как говорили, высоко ценившему Лёнину поэзию, то Губанов, прослышав о ее добрых намерениях, впал чуть ли не в ярость.

И все же тайная обида в нем жила. В конце 70-х как-то покупала я у Лени самиздатский сборник его стихов. Встретились у метро “Университет”. Стоим, весело беседуем. И вдруг, как бы случайно, он с горечью обронил: “Если меня вдруг не будет, передай мои стихи на Запад”.

***

Среди друзей и знакомых Губанов всегда был в центре внимания. Он мгновенно плотно заполнял собой пространство, и с первой встречи с ним все попадали во власть его особого обаяния. Но как бы ни проявлял себя Леня – предельно раскрепощенно, вдохновенно, дурашливо, влюбленно, – он всегда казался мне бесконечно одиноким. Однажды в гостях у одного московского коллекционера, находясь в прекрасном расположении духа, он мне даже сказал: “Ты почему-то, когда смотришь на меня, то как будто плачешь...”

Непредсказуемый – он жил на контрастах. Никаких полумер. То по-детски обидчивый и ранимый, то грубый и неуправляемый, то слишком доверчивый, то болезненно подозрительный. Своей необузданной энергией он людей заряжал, но мог и страшно утомить,

Это был 83-й год, когда я заехала в больницу имени Кащенко навестить своего знакомого Д. Д., излечиваемого в ней от инакомыслия. Иду по мрачному коридору и вдруг вижу: навстречу, в потертом сером больничном халате, – Губанов! Порасспросив об общих знакомых, он с таинственной улыбкой, заговорщицки протянул мне незапечатанный конверт: “Это письмо в районный комитет КПСС. Опустить в почтовый ящик. По дороге можешь почитать. Посмеешься...”

Ознакомившись с текстом, написанным размашисто-торопливым почерком на шестнадцати страницах школьной тетради, я решила во избежание неприятных последствий письмо не отправлять. Приведу из этого письма отдельные выдержки, заменив инициалами упомянутые имена и сохранив орфографию.

*В Районный комитет КПСС Ворошиловского района
от Губанова Леонида Георгиевича. Москва, ул. Красных зорь,
д. 37, кв. 116. 1946 года рождения г. Москвы.*

Умоляю! Прочесть до конца, ну хотя бы как фельетон.

ПРОШУ РАЗОБРАТЬСЯ.

Я – Губанов Леонид Георгиевич, прошу проверить состояние здоровья вашей коммунистки К. В. С. Чтобы долго не писать, постараюсь покороче. Ровно 9 месяцев я и ее дочь Н. любим друг друга. Она приезжала ко мне в гости, я читал стихи, пили чай. Провожал ее до дома. Пьяной от меня она ни разу не приехала. Ее мать, вдруг, через отца узнает, что я чуть ли ни убийца и начинает нажимать на педали. Сначала тихо и спокойно. Звонит мне домой и говорит – оставь мою дочь в покое, или я подниму на ноги все МВД, ГБ, ЦК – ну и так далее. Я говорю ей, вполне вежливо, что я дочь вашу люблю, она меня тоже любит, дескать – Разойдемся по-хорошему. Н. – 23 года!!! Так, пошли дальше. Она звонит в театр, где мы с Н. познакомились, матеря всех благим матом, убирает ее с работы. Она начинает и меня обливать грязью на этой Работе, после чего мне пришлось уйти из театра. После этого, чувствуя, что не проняло, она своими бесчеловечными звонками с декабря месяца, когда Н. находится у меня, звонит и говорит, – Что умирает, что вот последний час пришел и чтобы Н. в течении 30 мин. была дома. (КУНЦЕВО-ЩУКИНСКАЯ). Слава Богу, до подорожания такси. Н. и я, обалдев от такой жизни, решили – Раз у нас в Совет. Союзе не дают друг друга

любить, да мы лучше повесимся на пару у ворот ЗАГСа, или выстоим право на Любовь. Короче, Н. позвонила матери и сказала, что жить больше с нею она "ни за какие деньги" больше не будет, и что останется жить у меня. Ее мать - спокойно обозвала ее проституткой и повесила трубку. Но, "не прошло и полгода", Бац, Меня и Н. вызывают в 90 о/м с вопросом - имеете ли вы право - любить друг друга. Хоть стой, хоть падай!

Капитан Красовский Н. Н. все понимал и покачивал головой. Но Волков из УВД был не приклонен и решил, "что совместную жизнь с гражданином Губановым стоит прекратить". На этом мы и расстались. Стали жить-поживать, да "добрую тещу наживать" <...> (Ее мать, которая держала Н. у себя до 22 лет, в свое время отрезала ее от "солнечной советской жизни" нашего детства. Не отпускала ее в пионерские лагеря).

<...> Произошел в гостях один несчастный случай, и Н. попала в больницу. Сколько уже об этом исписано бумаги, уму не понять. Я не виноват в этой истории. Я навещал Н. в больнице спокойно и трезво. Мать с 5 часов до 6, я - с 6 до 7. Н., не выдержав разлуки со мной, сбежала из больницы <...> Ушла из дома. Я тоже ушел из дома к черту от этой вашей "коммунистки". Видите, как я нажимаю на перо. Пока я жив, я этого просто так не оставляю. Это письмо, переписанное в 6-ти экземплярах, я отправляю: - (у меня не заржавеет)

1. В психдиспансер (мадам)
2. В ж. "Крокодил"
3. В "Комсомольскую правду"
4. В Международный красный крест

Почему, прочитайте до конца. Короче, уставши мыкаться по друзьям и мешать им жить, мы решили вернуться ко мне. На второй день нас нашли. Моя "теща" с пьяным в доску супругом приехали к нам и стали выламывать двери. Вошел милиционер, его оттолкнули, дали в морду, а Н. (23-летнюю крепкую бабу) увезли, как ребенка, к себе на кроватку. Мать меня не пускала в эту мясорубку, хоть Н. и кричала, как поросенок, а милиционер вытирал скулу. Когда ее привезли домой, она, чтобы не быть с такими любящими родителями, вызвала скорую псих-помощь и в данный момент находится в больнице № 14 (10 женское отделение). Умоляю вас, позвоните ей и прочтите мое письмо от начала до конца. Она не знает правды. Я - гениальный поэт, хороший художник. А этой теще зачитайте письмо с глазу на глаз. Если хоть одно слово она найдет лживым, да разразит меня Бог!!!

Не смотря на это, все остальные письма я отправляю по адресам. Я, не она дойду до ЦК. (И Лида Куц мне поможет). Если бы вы знали, откуда я пишу!!!

P. S. За пазухой у меня еще NNN козырей. С приветом.

Ночь. 25 июня. Леонид Губанов.

УМОЛЯЮ! Прочтите до конца, ну хотя бы как фрейдист

В Районный комитет КПСС
Ворошиловского района
от

Губанова Леонида Георгиевича.
Москва ул. Красных зорь, д 37 кв 116.

1946 года рождения? Москва.

ПРОШУ РАЗОБРАТЬСЯ.

Я - Губанов Леонид Георгиевич,
прошу проверить состоящие
здоровья в вашем коммунистич
Куриленичкиной Валентинки Сергеев-

ны. Чтобы долго не мучать,
поотараюсь покороче. Совно
9 месяцев я и её дочь
Наталья, мобили друг друга.

Автограф письма Л. Губанова в районный комитет КПСС.

***

Губанов говорил: “Почему-то многие считают меня антисемитом. Это неправда. У меня много хороших друзей и знакомых – евреи”.

Лично со мною связан такой эпизод. Получив как-то очередную зарплату, я позвонила ему с предложением:

– Пока есть деньги, давай куплю машинописный экземпляр твоего полного собрания сочинений.

– Жидам не продаю! – раздался в трубке задиристо-полутрезвый ответ.

– Ленечка, – говорю, – но я же полукровка! Продай половину твоего собрания.

Губанов весело расхохотался.

– За находчивость, – сказал он, – я лучше подарю тебе сборник стихов с моим рисунком на обложке.

В сборнике тринадцать стихотворений авторской подборки, датированные 1963–75 годами. На каждый год по стихотворению. Есть среди них и знаменитый “Серый конь”, переложенный на музыку и исполняемый под гитару близким другом Лени – Владимиром Бережковым. Замечательное и всеми любимое стихотворение! Только не понятно, почему в опубликовавшем его альманахе “Зеркала” (М., 1989) отдельные строки так безжалостно искажены?

Знаю я, что меня берегут на потом,
И в прихожих, где чахло целуются свечи,
Оставляют меня в гениальном пальто,
Выгребая всю мелочь на творческий вечер.

“Никакого слуха у публикатора. Не мог Губанов так написать – «в гениальном пальто». У него –

Оставляют меня гениальным пальто,
Выгребая всю мелочь, которую не в чем...”

– справедливо пишет Юрий Крохин в книге о Губанове “Профили на серебре” (М., 1992).

Не вступая в дискуссии, были ли у Губанова варианты на отдельные строки, хочу все же заметить, что в подаренном и зачитанном мне самим Леной сборнике последняя строка стихотворения звучит так: “Выгребая всю мелочь, которая *вечность*”. Вариант этот мне кажется более удачным.

***

Вспоминая губановского “Серого коня”, не могу не рассказать о посмертном посвящении Лене Майи Луговской – вдовы поэта Владимира Луговского. Будучи ученым, писателем и художником, она, как разносторонне одаренная, яркая личность, притягивала к себе людей и особенно творческую молодежь. Каждый, кто приходил в ее дом в Лаврушенском переулке, всегда находил внимание и поддержку. Когда я в первый раз, уже после смерти Губанова, прочитала ей его стихи, она была просто ошарашена. Потом, расспросив о его жизни и судьбе, с горечью воскликнула: “Почему же ты не привела в мой дом этого мальчика? Я бы его пригрела”.

...Жил поэт. Куролесил, спивался, страдал,
Что велик и не признан страной.
Почему, почему же твой конь проскакал
Мимо жизни моей стороной?

- вот отдельные строки ее посвящения.

Стихотворение было зарыто Луговской в могилу Губанова на Хованском кладбище, в годовщину его смерти, в 85-м. Хорошо помню тот день. Уже темнеет. Моросит дождь. На кладбище – ни души. Вдруг на могилу опускается голубь. Доверчиво ходит у наших ног. Намокшие, взъерошенные перышки невольно ассоциируются с часто неровно подстриженной, неприглаженной Лёниной челкой...

Зашла я как-то к Луговской в 87-м. У нее в гостях известный собиратель карандашей Ру-

дольф Варданын. В библиотеке им. Н. А. Некрасова готовится выставка его коллекции. Уже издан прекрасный каталог. "Срочно подключайся, - говорит она. - Для выставочного плаката нужен какой-то текст".

Всплывают в памяти строки Лёниного стихотворения:

...И если я - филон бессмертья
и обаянья светлый паж
продам хоть строчку ради меди,
меня накажет карандаш...

Обложка самиздатского сборника стихов Л. Губанова. Рисунок автора. Из архива Н. Шмельковой.

Варданын в восторге, и через несколько дней стихи опального поэта открывают официальную выставку его коллекции...

***

В журнале “Дар” (М., 1992, № 1) текст о Губанове “Как незаконная комета” начинается словами: “До сих пор не известно, умер Леонид Губанов своей смертью или покончил с собой”. Сегодня, спустя столько лет после ухода поэта из жизни, вряд ли кто сможет ответить на этот вопрос. Мне же кажется важным как можно подробнее по сохранившимся

у меня записям рассказать, каким я его видела за неделю до смерти.

Леня позвонил мне 30 августа, пригласив в гости послушать его новые стихи. Попросила прихватить какого-нибудь вина. Я привезла "Каберне". Он был страшно недоволен, сказал, что терпеть его не может. Потом, посмеявшись, смирился, узнав от меня, как геохимика, о повышенном содержании в этом напитке рублидия, благотворно влияющего на нервную систему.

Настроение его было приподнятым. Как и обещал, он читал мне стихи, раскрыл большую папку со своими рисунками. Некоторые показались мне замечательными, и я спросила, нельзя ли их купить.

- 25 рублей за три рисунка, - сказал он. - Ты ведь знаешь, что я не жадный. - И благодарно вспомнил при этом своего друга Л. Р., так щедро ему за них платившего: "Высыпал просто пачками".

- А вообще, - сказал Леня, - в последнее время я общаюсь только с женщинами. Близких друзей нет.

Узнав, что 11 сентября я собираюсь в Адлер, он выразил желание присоединиться. "Вот только отнесу в букинистический некоторые книги, а то денег нет. Мешать не буду, пить не буду", - пообещал он и написал расписку: "Я - Л. Г. Губанов даю расписку в том что, я больше не попрошу об ентюм! 6.40 - Л. Губанов". Она до сих пор у меня хранится.

Леня заводил музыку Баха, сказал, что на сегодняшний день - это его любимый композитор. Поделался, что для дальнейшей работы ему необходимо серьезно заняться самообразованием, особенно философией, историей, литературой. Так что планы на будущее у него были...

Родители его в это время жили за городом, а в квартире с ним обитала рыженькая собачка Рада - подарок Евгения Борисовича

Л. Г. Губанов
даю расписку
в том
что, я больше
не попрошу
об ентюм
6.40
Л. Губанов

Расписка Л. Губанова.
Из архива Н. Шмельковой.

Пастернака. Губанов рассказал, как на даче Пастернака в начале лета он встретился с Евтушенко, зашедшим с знакомыми англичанами. Леню попросили для всех почитать свои стихи. Евтушенко стал ему что-то советовать, поправлять, и он вспыхнул: “Ты дерьмо! Тебя скоро забудут, а я гениальный поэт!” Леня прочитал мне свое юношеское, посвященное Евтушенко стихотворение “Моцарт и Сальери”, начинающееся строчками:

Я не хочу с тобой водиться
Так, чтобы не было души.
Давай, ты синяя водица,
А я кувшинка, я - кувшин...

Мы разговаривали, и Губанов чуть ли не с гордостью сообщил, что почти семь лет он прожил семейной жизнью. Заметив за стеклом книжного шкафа журнал с портретом одной известной актрисы и услышав о его сильном одно время увлечении ею, я спросила: “Почему же, если ты так склонен к семейной жизни, не женился на ней?” - “Ты что, - ответил Леня. - Тогда бы каждый день был мордобой”.

Я не уточнила, что он имел в виду. Или то, что двум талантам трудно ужиться под одной крышей, или что жена должна посвятить свою жизнь всецело ему. Второе, кажется, вернее. Думаю, что мятежного и уставшего Губанова тянуло к семье, и может быть, кто знает, он и мечтал о ней. Во всяком случае знаю, что он очень любил детей, и как-то довелось мне наблюдать, как увлеченно играл он с пятилетним сыном своих знакомых, сам при этом выглядя большим ребенком. А как он, казалось бы, совершенно не приспособленный к быту, великолепно готовил! Гуляя с Радой, мы зашли в магазин. Леня предложил купить курицу. Я замялась, сказав, что не знаю, как ее приготовить. Продавщица улыбнулась, а Губанов смутился: “Ты что меня ставишь в

глупое положение?” Не забуду, как, вернувшись домой, он вмиг, виртуозно ее разделал.

Весь вечер упорно звонил телефон... Губанов не подходил. Наконец, с его разрешения, трубку подняла я. Леня предупредил, что звонит его юношеская любовь – Татьяна Д., с которой не так давно он вновь повстречался. вспыхнуло прежнее, и, как я поняла, предчувствия были недобрыми... Сейчас почти уверена, что именно ей посвящены эти строки:

Подарите меня тому камню,
Чтобы не он подо мною, а я под ним.
А у камня глаза карие,
И не в масть моим голубым.

Я попросила ее приехать, т. к. торопилась домой, а Леня впадал в депрессию. Оставлять его одного не хотелось. “Неужели вам приятно, чтобы кто-то приезжал, когда вы у Лени?” – несколько агрессивно сказала она. Пришлось ее убеждать, что нас связывают лишь дружеские отношения, что я только рада буду ее увидеть и познакомиться. Мы разговорились, и она много рассказала мне о своей жизни. Приехать отказалась, т. к. к первому сентября должна была собирать дочку в первый класс. Подошел к телефону Леня. Что-то долго ей говорил, успокаивал. Из коридора долетела фраза: “Ты же знаешь, как меня много обижали в этой жизни? Зачем ты меня ругаешь?” Потом он вдруг стал лихорадочно переодеваться. Натянул свитер, сдвинул чуть набок кепи, внимательно посмотрелся в зеркало, как-то странно улыбнулся...

Стало за него тревожно. Упрашивала не уезжать. Даже пригрозила: “Уедешь – выпрыгну из окна”. – “Не забудь только, что это третий этаж”, – засмеялся Леня. – “Не уезжай. Останься здесь. Уже поздно”.

Выходя, обронил: “Я люблю эту бабу!”

Уже с улицы в открытую форточку влетело: “До свиданья, Наташа!”

1 сентября Леня позвонил мне домой от Тани. Сообщил, что в ту ночь просидел во дворе ее дома. Дверь ему не открыли. Вечером я сама им позвонила. Упрашивала Таню вместе с Леной поехать к нему. Ведь там голодная собака. В ответ услышала: "У меня самой есть собака, и я знаю, как обращаться с животными".

3-4 (?) сентября Леня звонил мне уже из своей квартиры. Судя по вопросам, заданным мне, Таня была рядом, и он ее явно поддразнивал: "Ты меня хоть капельку любишь? Мы с ней расстаемся..." Это был последний мой с ним разговор. 10-го сентября, перед отлетом в Адлер, я позвонила Лене, чтобы попрощаться. Долго слушала в трубке длинные гудки... По возвращении в Москву узнала, что умер он 8 сентября, сидя за своим столом...

...И локонов дым безысходный,
и я за столом бездыханный...

Рисунок Л. Губанова
"Перед заходом солнца".
22 февраля 1979.

- напороочил он в одном стихотворении.

Поминали Леонида на сороковой день в Москве 17 октября, в мастерской художника Геннадия Доброва... Народу собралось много и самого разнообразного. Пришли и те, кто Губанова не знал, а только слышал о нем. На фотографии Леня совсем юный, улыбающийся...

“...Солнце русской поэзии закатилось! И о как избранны те, кому посчастливилось приобщиться к последнему потоку его огня!” – зачитывает некролог Игорь Дудинский. Прислушивается запись Лёниного голоса. Читаются его стихи...

Но не проходит и часа, как разгоряченные от выпитого забывают, по какому поводу они собрались. Начинаются споры, разговоры на самые отвлеченные темы. Кто-то взахлеб, во весь голос читает свои стихи. Кто-то выясняет отношения. Водка льется рекой. Поминки перерождаются в кутеж. Но кто-то о Губанове еще помнит – на заваленный обедками и пустыми бутылками стол вскарабкивается одна из его поклонниц и, простирая ввысь руки, завывает: “Куда же ты от нас уше-е-е-е-е-е-л?”

“Поминки были ужасающи”, – вспоминает в статье “О погибшем литературном поколении (памяти Лени Губанова)” Ольга Седакова (“Волга”, 1990, № 6). “Одно из немногих живых лиц среди сотни собравшихся, “цвета московской богемы”, – как объявили, – было лицо умершего – старая фотография Лени. Большинство же других – при всех усилиях перепиться, скандалить, драться, кричать и выть стихи, “как в шестидесятые”, и “эпатировать”, возвышать Леню за счет того же злополучного Пушкина, – были в самом прямом смысле слова – краше в гроб кладут. Безобразие мертвой жизни, написанное на этих лицах, преследовало меня несколько дней”.

Да, так все и было... Только жаль, что в статье Седаковой так мало сказано о самом поэте.

17 декабря 1987 года во Дворце культуры “Меридиан” был вечер памяти Губанова. По свидетельству одного журналиста, афишу, перечислявшую тридцать одно имя (включая Иосифа Бродского), можно было обменять в Париже, в среде русской эмиграции, на две пары фирменных джинсов.

На долгожданный вечер народу собралось неожиданно мало. Один из поэтов, выступление которого было намечено, откровенно объяснил мне свое отсутствие боязнью КГБ, что помешало бы “наконец-то начавшимся поправляться его литературным делам”.

Зато не могло не обратить на себя внимания присутствие в зале Евгения Евтушенко, скромно сидевшего в последнем ряду, как бы не желавшего обращать на себя внимания. Со сцены он не выступал. Да и о чем, собственно, он мог рассказать? О единственной публикации в журнале “Юность” двенадцати губановских строк в шестидесятые? Запомнилось, и как прибывшие на вечер “подозрительные” телевизионщики упорно приглашали всех переместиться на несколько рядов ниже, чтобы захватить в кадр находящегося в зале Венедикта Ерофеева, и как тот лишь рукой от них отмахнулся. Спустя пять лет после смерти Ерофеева присутствовавший в зале Лён отметил эту дату публикацией якобы найденной им давно утерянной рукописи писателя “Дмитрий Шостакович” (“ЛГ”, 25.10.95, № 43). Пропажу рукописи Лён свалит на Губанова. “Если едешь в электричке навеселе, да еще не один, а с пьяным Леней Губановым, – возможно всякое. Рукопись не пропала. Она была просто-напросто украдена Губановым и потом продана за бутылку...” (“Новая литературная газета”, 1994, № 9).

Но я отвлеклась...

“Сидя на вечере его памяти, – вспоминает друг Губанова художник-шестидесятник Борис Козлов, – я кис от комфортности деловой посредственности, от заунывных «гусяров», толком-то о Ленке не слыжавших. Его настоящие друзья закидали вместе со мной. Разве что Дуда разорвал висячую нудгу яркой губановской интонацией. Не лучше было бы, как придумал Батшев, напустить в «Меридиан» клуб дыму, да «скакнуть» на живом «сером коне» с кистенем да с посвистом во свет памяти Губанова”...